

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ! Я ОБВИНЯЮ!

История основанной в 1890 году Ф. Ф. Павленковым и возобновленной в 1933 году серии «Жизнь замечательных людей» не проста. В советские годы редакции приходилось лавировать, попевая за часто менявшимся курсом партии в вопросах идеологии, политики и культуры. Представления о том, каких деятелей человеческой истории признавать «замечательными людьми», менялись не раз. Менялись интеллектуальная глубина, эмоциональные регистры повествования, общие понятия о «биографии», которая, согласно Г. Винокуру, в отличие от жития или жизнеописания, должна включать «в поле своего изучения все признаки (индивидуальные, психические, психофизические), с которыми личность вообще дана в истории культуры».¹ Погрузившись в историю жизни деятеля, причастного к динамике гуманистического и духовного развития человечества, биограф проникается любовью к нему, стремится передать читателям свое эмоциональное и интеллектуальное увлечение его личностью.

В старые годы, памятуя приписываемую Сталину шуточку: «Вы нам сноску, а мы вам — ссылочку», — в ЖЗЛ побаивались приложений с обширным библиографическим аппаратом. Но с появлением работ о О. Мандельштаме, В. Набокове, М. Кузmine, А. Платонове, П. Флоренском, В. Шкловском, А. Лосеве подробные примечания и указатели имен стали признаком научной добросовестности и честного отношения биографов к изображаемым героям. В книге, написанной Алексеем Коровашко, справочно-библиографический отдел отсутствует.²

«Михаил Бахтин» Коровашко — единственное исключение из более чем 1660 биографий, опубликованных в серии «Жизнь замечательных людей», еще и в том отношении, что автор задается целью развенчать, разоблачить Бахтина и опровергнуть «миф» о личности и таланте ученого, повлиявшего своими трудами на развитие мировой гуманитарной науки. Книга открывается фразой о двукратной смерти Маяковского, выдернутой из воспоминаний Пастернака и примененной

¹ Винокур Г. Биография и Культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 11.

² См.: Коровашко А. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы). Библиография сведена у Коровашко к полторастраничной отписке. В разделе «Труды М. М. Бахтина» издательство, в котором вышло Собрание сочинений М. М. Бахтина (М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 1996—2012; далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами), приведено неправильно: «языки *русской* культуры», не названы имена редакторов, в тексте биографии нет ссылок на это издание. В списке «основных работ о жизни и творчестве М. М. Бахтина» указаны следующие издания: Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993; Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2009 (книга содержит архивные материалы и освещает период 1940—1966 годов). Также включено название: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin: A Biography. Cambridge, Mass.; London, 1984. Об этой первой критико-аналитической биографии Бахтина, приуроченной к 90-летней годовщине со дня его рождения (1995), сказано ровно полфразы. Пользуясь отсутствием примечаний и академических ссылок, Коровашко произвольно манипулирует материалами, собранными специалистами по истории культуры, выдергивая из их работ и искаженно представляя данные о жизни и научной деятельности Бахтина.

к Бахтину: «В случае с Михаилом Бахтиным вполне можно говорить не о двух смертях, а о целой цепочке умираний и возрождений...» (с. 5). «Возрождения» начались в эпоху оттепели, когда, совсем как в романе Рабле, оттаяли и зазвучали слова, вмерзшие в страницы книг, написанных авторами, канувшими в Лету. В это, как сказал бы Некрасов, «благодатное время надежд» пятеро молодых московских филологов (В. Кожин, С. Бочаров, Г. Гачев, П. Палиевский и В. Сквозников), разыскав в «залах ограниченного пользования» книгу Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929), посылают ему в Саранск письмо, в котором говорят о чрезвычайной ценности этой работы и ее «методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова», и вскоре заговаривают о необходимости переиздания этой монографии Бахтина и публикации его диссертации «Франсуа Рабле в истории реализма».³ «Благодаря усилиям Кожина в 1960-е годы книги Бахтина находят свой путь к широкому кругу читателей, что позволяет говорить о самом настоящем втором рождении ученого», — отмечает Коровашко (с. 5).

Переиздания, публикации новых работ и многочисленные переводы трудов Бахтина привели к возникновению культовой фигуры, мифологизированного образа творца особой науки, и далее — к развитию «бахтинской индустрии», бума и «кризиса перепроизводства».⁴ Эти представления об индустриальном буме и кризисе как симптомах очередного нисхождения в небытие подсажали Коровашко мысль о необходимости развенчания и культовой фигуры, и всех тех, кто способствовал возвращению Бахтина и его трудов в широкий мир гуманитарных знаний.

«Близкие Бахтину люди канонизировали его для себя частным порядком, но со всей возможной серьезностью», — считает Коровашко (с. 438; здесь и далее курсив в цитатах мой. — Н. П.), по ходу изложения повторяя это утверждение несколько раз. Наклеив ярлык «боги из машины» на издателей трудов Бахтина, осуществивших его «Возвращение с того света» (название главы 8), Коровашко представляет их едва ли не корыстолюбцами, использовавшими публикации работ ученого и в личных интересах. Он утверждает, что получаемые из-за рубежа гонорары позволили Бахтину оплатить приобретение кооперативной квартиры в Москве, которую подыскивали ему «боги из машины»; в нелегком 1972 году, по рекомендации «специалиста в области нейрореабилитации», Бахтину был назначен «курс поистине раблезианской» лечебной диеты, а траурную церемонию в день похорон Бахтина они организовали так, что она «напоминала коллективное радение священно-бесмолвствующих» (с. 444, 445, 446).

Согласно Коровашко, в России канонизации Бахтина способствовали В. Кожин, С. Аверинцев и Вяч. Вс. Иванов, автор статьи «Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики»,⁵ а за рубежом — Юлия Кристева и другие структуралисты. Их междисциплинарные исследования

³ Паньков Н. А. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина (1960—1966) // Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. С. 486—488.

⁴ Выражение «Бахтинская индустрия» было выбрано С. Морсоном в заглавии выступления на «Бахтинском Форуме» 1986 года. См.: Morson G. S. The Bakhtin Industry // Slavic and East European Journal. 1986. Т. 30. № 1 (Spring). P. 81—87. Как участница форума могу засвидетельствовать, что этому выражению ни Морсон, ни другие докладчики пейоративного оттенка не придавали. Напротив, они отмечали важность продуктивного воздействия бахтинских идей на «многоголосие» разнонаправленных тенденций в мире современных гуманитарных знаний. Коровашко, упоминая «бахтинскую индустрию», имеет в виду сборник: Materializing Bakhtin: Bakhtin Circle and Social Theories / Ed. G. Brandist and G. Tihanov. London; Oxford, 2000. Но, искажая смысл выражения «материализуя Бахтина», намекает на материальную заинтересованность издателей в публикациях работ круга Бахтина под его именем.

⁵ См.: Иванов Вяч. Вс. Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. VI. С. 5—44 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 308). Аверинцева Коровашко обвиняет в «безудержной идеализации морального и научного облика» Бахтина. См.: Коровашко А. В. М. М. Бахтин и формальная школа: К современным дискуссиям // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс) / Сост. А. А. Ревякиной. М., 2001. С. 48—49, 51—52.

появились на взлете «невероятного экспортного успеха» переводов Бахтина на десятки иностранных языков и ознаменовали собой повсеместное развитие культа Бахтина (с. 433).

«Биография», составленная Коровашко, служит двум целям. Во-первых, «десакрализировать» образ Бахтина, «разрушить миф» о выдающемся мыслителе, чья многосторонняя эрудиция не ограничивалась одной областью знаний и, искажая его подлинные идеи, доказать, что в бахтинских учениях нет ничего заслуживающего внимания. Во-вторых, дискредитировать гуманитариев, которые занимались аутентификацией, комментированием и изданием Собрания сочинений Бахтина. Эта целевая установка на опровержение и искажение фактов, относящихся к личной и научной жизни героя книги и объясняет выбор в качестве заглавия данной рецензии сдвоенной цитаты из Толстого и Золя: «Не могу молчать! Я обвиняю!»

С «сакрализацией» Бахтина (с. 438) Коровашко борется авторитетом собственных суждений. Пользуясь приемом, предложенным еще Писаревым («Бей направо и налево, от этого вреда не будет»⁶), он выдергивает из различных работ интерпретационного характера только нужное ему для категорических опровержений. О «трудах и днях» Бахтина говорится в глумливых, «хамовых» тонах. В чем прегрешение библейского Хама? — Он «увидел наготу отца своего», уснувшего после дневных трудов и выпитого вина, и, насмехаясь, рассказал об этом братьям. И Коровашко показывает наготу, разоблачает Бахтина. Биография выдающегося ученого превращается в сфабрикованную с самоуверенной пошлостью легенду о похождениях «блистательного второгодника», «самозванца», обманщика, подобного Хлестакову «заместителя» авторов, с которыми он был «на дружеской ноге». Коровашко не верит ни единому слову, сказанному Бахтиным о себе. Из главы в главу идет перепроверка анкетных данных, похожая на те, что проводились в годы советских чисток (с. 7—62, 110, 115—117). Бахтин из-за тяжелой болезни не смог получить аттестат зрелости и университетский диплом. Коровашко судит об этом словами Лебедева-Кумача из «Песенки бюрократа»: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек», — с той разницей, что в его интонационной огласовке афоризм приобретает характер выговора следователю Стромину и всем работникам отделов кадров, по недосмотру допуская осужденного по контрреволюционному делу «самозванца» к преподавательской деятельности. Временное освобождение Бахтина из-под стражи и пребывание в больнице в связи с обострившейся в тюремных условиях хронической болезнью сопровождается комментарием: «Больше двух месяцев Бахтин имеет возможность (...) не испытывать радости общения» с уполномоченным СОУ Строминым (с. 252, 255—256). О тяготах жизни в ссылке и скитаниях «минусника» по провинциям говорится с насмешкой.

Бахтин в беседах с Дувакиным с теплотой вспоминал, что в Кустанае, «в местах отдаленных», у населения сохранилось то же отношение к ссылке поселенцам, что у простых жителей Сибири времен Достоевского.⁷ Игнорируя аллюзии к «Запискам из Мертвого дома», Коровашко выясняет, «из чего складывался кустанайский бюджет семьи», а зарплату в 150 рублей, к которой в бухгалтерии подбрасывали понемногу из сочувствия к «несчастливым», считает «солидным денежным вознаграждением». Вновь акцентируется самозванство и отсутствие документов: «...вспомнив банковское прошлое отца и деда, Бахтин выбрал стезю (так!) экономиста Райпотребсоюза» (с. 296).

В голодном Кустанае, в отрыве от мира книг, Бахтин начал писать работу «Слово в романе» и отдал рукопись для перепечатки бывшей жене меньшевика Николая Суханова. Коровашко, не потрудившись проверить, о какой жене идет речь, называет Галину Константиновну Флаксерман-Суханову (с. 297). Между тем

⁶ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 135.

⁷ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным / Ред. С. Г. Бочаров и др. М., 2002. С. 232—235.

профессор университета Индиана Вадим Ляпунов, переводчик и комментатор философских трудов Бахтина, на основе материалов, опубликованных в 1999 году в Москве, установил, что помощницей Бахтина была Наталья Николаевна Крым-Шахмалова, ставшая в 1926 году «незаконной женой» Н. Н. Суханова.⁸ Не подумав, какому риску подвергала себя эта женщина, приговоренная к пятилетней ссылке за «перепечатку к.-р. материалов», согласившись печатать рукопись в 196 машинописных страниц, Коровашко с пренебрежением замечает: «Фантастика дальнего литературоведческого прицела (...) не помогла Бахтину выдать „Слово в романе” за элемент социалистического строительства» (с. 304).

Сведения о жизни Бахтиных в Кустанайе и Саранске взяты из работы С. С. и Л. С. Конкиных.⁹ Но если они пишут о режимно-политической обстановке тех лет с сочувствием к раскулаченным и «контрреволюционерам», то Коровашко — с презрением. Выражение «враги народа» он считает «шибболетом в охоте на классово чуждых». Не видя разницы между соратниками и союзниками, он называет Григория Зиновьева «недавним соратником Бахтина по Кустанайской ссылке», который был «благополучно расстрелян».¹⁰ Бахтину приписывается умение изворачиваться в обстановке борьбы с классово чуждыми: узнав, что директор Мордовского пединститута разоблачен как враг народа, он воспринимает это как «подарок судьбы», подает заявление об уходе из подвергающегося чистке учебного заведения, а в 1945 году, воспользовавшись неукомплектованностью вузов преподавателями, возвращается туда же, получив повышение в должности (с. 308—310).

Книга испещрена ошибками в написании иноязычных терминов. Объясняя «исключительно богатую семантику русского слова „участие”, В. Ляпунов приводит ряд западных аналогий, самая интересная из которых, пожалуй, — термин „интерес” у Серена Киркегора, а самая близкая — немецкое „*seinsverbundene Denken*” («мышление, связанное с бытием»)...» (I, 447—448). — У Коровашко видим полную ерунду, свидетельствующую о незнании немецкой орфографии. На с. 66 названия немецких изданий и публикаций Кагана и Когена перевраны так, что по каталогам их найти невозможно. Рассуждая о зависимости философии Бахтина от идей Когена, Коровашко выуживает из работы Конкиных термин «этический социализм» (с. 75).¹¹ Не потрудившись объяснить смысловое содержание понятия, он сообщает, что «неправильно приравнивать невелискую школу к тем полномасштабным философским школам» — и далее следуют Мегарская, Александрийская, Шартрская, Марбургская, Баденская школа неокантианства (с. 96—99).

Именуя «Искусство и ответственность» «карликовой статьей» (с. 96), он проявляет непонимание ее программного характера. Между тем в примечаниях Н. Николаева к этой работе (I, 347—351) показано, сколь органичным в развитии бахтинской философии было движение от «Искусства и ответственности» к исследованию духовных и нравственно-правовых устоев жизни: «терминологический каркас новой нравственной философии» Бахтина, намеченный в «Искусстве и ответственности», ясно виден в заметке М. Кагана «Искусство, жизнь и любовь», в записях

⁸ Г. К. Флаксерман, вторая жена Н. Н. Суханова, с которой он не разводился официально, арестована 16 февраля 1931 года и 13 марта, через 4 дня после вынесения приговора мужу (10 лет лишения свободы), «освобождена за отсутствием в ее действиях состава преступления». Арестованная 7 декабря 1930 года Н. Н. Крым-Шахмалова, «пом. зав. столов договоров Госиздата», кончившая в 1929 году корректорские курсы, на основании агентурных сведений обвинялась в том, что «как член меньшевистской организации (...) кроме партийно-меньшевистской работы выполняла задания к.-р. организации по перепечатке различных партийных директив, воззваний и т. д.». 10 мая 1931 года приговорена к 5 годам лишения свободы. См.: Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов: В 2 кн. М., 1999. Кн. 2 / Сост. А. Л. Литвин. С. 392, 397, 409—412.

⁹ Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин. С. 202—226.

¹⁰ Зиновьев расстрелян 26 августа 1936 года. Бахтин принят на преподавательскую работу в Мордовском пединституте в сентябре этого года.

¹¹ Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин. С. 74.

Пумпянского «Достоевский как трагический поэт» и его невеликих лекциях. Во всех названных работах присутствуют понятия «ответственность», «нравственная действительность», «нравственное бытие» и «нравственная реальность», и в комментарии дается объяснение их смыслового содержания, близкое к идеям позднего символизма Вячеслава Иванова (I, 348—349). Коровашко усматривает в статьях Бахтина и Кагана «квинтэссенцию <...> анафем нарастающему разрыву между искусством и жизнью» и противопоставляет им не мнения, а произвольно составленный список из 13 имен: от студента Б. Эйхенбаума, В. Брюсова и Поля Верлена — до Артура Рэнсома (с. 98—99), пробольшевицки настроенного военного корреспондента, имевшего (как мне удалось выяснить) контакты с британской разведкой, а после революции — с Лениным, Троцким, Радеком.

Отношение к издательской группе, подготовившей к печати Собрание сочинений, нельзя назвать иначе как идиосинкразией. Коровашко опровергает все данные текстуального анализа, приведенные в комментариях. Если Гоготишвили, учитывая хронологию выходов трудов Шпенглера в Германии, датирует работу Бахтина «К философии поступка» пределами 1918—1924 годов (I, 352, 372, 386), то Коровашко возражает: «...есть все основания считать, что с указанной статьей Шпенглера Бахтин ознакомился только в 1922 году» (с. 121). Замечание лишено смысла, ибо приведенное им *по-русски* название «указанной» статьи «Pessimismus?» (1921) к делу отношения не имеет, а Гоготишвили ссылается не на нее, а на вышедшее в 1920 году 32-е издание первого тома «Заката Европы», сопровождавшееся брошюрой «Preussentum und Sozialismus», составляющей «эскиз к не вышедшему еще второму тому», в которой и приводились не раз повторяемые самим Ницше слова о «метафизических мемуарах». ¹²

В академических изданиях не разрешается заполнять лакуны в «дефектных» текстах интерполяциями, даже если таковые помогают восстановить полноту целого. Тем большую ценность приобретают текстуальные дивинации, позволяющие проследить цепь интерпретаций, ведущих философскую мысль Бахтина от одного комплекса идей к другому — от «Искусства и ответственности» к «К философии поступка» и «Автору и герою в эстетической деятельности». Высоко оценив развернутые Ляпуновым концентрические ряды комментариев к понятиям «архитектоника», «вчувствование и эстетическая любовь», Аверинцев и Бочаров помещают вслед за заключительным абзацем «Искусства и ответственности» первые строки фрагмента «К философии поступка». Двигаясь по концентрическим рядам, намеченным Ляпуновым, они воссоздают и раскрывают полноту бахтинской философской мысли, и этими смысловыми дивинациями заполняются лакуны между тезисом: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» и первым абзацем «К философии поступка», говорящим о способности/бессилии эстетической деятельности «овладеть моментом прехождения и открытой событийностью бытия» (I, 6, 7, 345, 350, 553—555). ¹³

К материалам выдающегося по добросовестности труда Н. А. Панькова «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина» Коровашко обращается только для воссоздания обстановки, в которой происходили защита диссертации о Рабле и сражения за присуждение ему научной степени в ВАКе. Из раздела «Вокруг Рабле» он выписывает мнения специалистов, эрудитов, оценивших эту работу как настоящее открытие. Но противопоставляя им критику со стороны функционеров, которые громили космополитизм на страницах «Культуры и жизни», снова и снова возвращается к отсутствию университетского диплома и уловкам Бахтина со сдачей кандминимума (с. 330—338, 341—357).

¹² С. Л. Франк указал в редакторском «Предисловии», что этим изданием пользовались авторы статей, помещенных в сборнике: Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.

¹³ Ляпунов В. Несколько неприятельских рекомендаций для читающих Бахтина // Бахтинский сборник. М., 2004. Вып. V / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. С. 195—209.

Высказывая свое авторитетное суждение фольклориста и историка литературы об этом труде Бахтина, Коровашко считает, что работа не дотягивает и до нижней планки. По его мнению, эта работа, «обросшая гроздьями комментариев», является «источником ноющего методологического раздражения» (с. 374). Грубой издевкой веет от его разоблачений: «...на вопрос: „Что такое карнавал?“ — Бахтин отвечает: „Это смех“. А тем занудам, которые зачем-то пытаются уточнить, что же собой представляет смех, генерирующий карнавал как особое явление, он свысока роняет: „Это праздничность“ (сказал бы уж сразу «карнавальность», и дело с концом)» (с. 375). Замечания, касающиеся гротескных образов «материально-телесного низа» у Рабле, блещут искрами скатологического юмора, рассыпанного и по начальным главам (разговоры в гимназическом сортире, стихотворные эскапады Николая Бахтина и других «омфалистов» (с. 32, 50)). Выводы, сделанные на основе подобных наблюдений: «Отметим, что между „пойти в ж...“, „пойти на х...й“ и „пойти в п...зду“ есть все-таки разница, Бахтиным, видимо, не ощутимая» (с. 392). — «Хорошо тому, кто везде побывал», — можно сказать словами солдатского анекдота по поводу этого экскурса в семантику анально-вагинальных пространств. Столь же глумлива оценка работ Бахтина о Достоевском, теории диалогического высказывания, полифонии и многоголосия: «Тот же, кто открывал страницы „Проблем поэтики Достоевского“, неизбежно начинал испытывать ощущение, что в самые кратчайшие сроки способен освоить технику бахтинского возвышенно-мудрого говорения» (с. 430).

«Срывание всех и всяческих масок» с лица и личности ученого достигает апогея при рассмотрении вопроса о «спорных текстах», созданных в кругу близких друзей Бахтина. Суждения Коровашко по этому вопросу категоричны: по сути говоря, спорить не о чем. Ведь в первом же абзаце первой главы было заявлено, а далее повторялось многократно, что Бахтин, «блистательный второгодник», по болезни оставшийся недоучкой, любил присваивать себе академические заслуги более энергичных, чем он, друзей, умевших плодотворно работать в трудных условиях первого послереволюционного десятилетия и эпо. Но, в отличие от Хлестакова, не хвастался громогласно своими литературными успехами («Есть другой Юрий Милославский, тот уж мой!»), а изъяснялся уклончиво. В разговорах с Дувакиным он подчеркивал, что пользовался известностью только в очень узких кругах: «Вокруг меня был круг, который называют сейчас „круг Бахтина“... Вот о нем последнее время часто пишут. Сюда включают прежде всего Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова». Коровашко искажает сказанное до полной противоположности и отбрасывает сведения, приводимые в комментариях к этим беседам.¹⁴

Дневниковые записи, мемуары и письма ученых старшего поколения, в которых со всей определенностью говорится об исключительном авторстве Бахтина в создании трудов, опубликованных под именами Волошинова и Медведева (О. М. Фрейденберг, Л. Я. Гинзбург, Н. Я. Берковский, Г. А. Гуковский) Коровашко не считает убедительными. Он заносит их письменные свидетельства в категорию слухов, «устного радио».

Коровашко не доверяет документам и письмам И. И. Канаева об истории публикации в 1926 году под его именем статьи «Современный витализм» в журнале «Человек и природа». Ни воспроизведение Бочаровым хранящейся у него фотоконпии этой работы, «на которой рукой подписного автора засвидетельствовано», что

¹⁴ В «Примечаниях» к «Беседам с В. Д. Дувакиным» приводятся сообщения С. Г. Бочарова, Вяч. Вс. Иванова и статья В. Кожина «Бахтин в живом диалоге» о настойчиво повторяемых словах Бахтина, что он «подарил» эти написанные им работы своим ныне покойным друзьям для издания под их именами и не желает восстанавливать права авторства на их публикации. В «Хронографе» нет названий работ, вышедших под именами Медведева и Волошинова. См.: *Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным*. С. 88, 161, 308—318, 332, 373—386.

статья «написана целиком М. М. Бахтиным» и что Канаев «только снабдил его литературой и способствовал изданию в журнале», и стоит дата 3 ноября 1975 года, ни отсутствие ее в библиографии трудов Канаева, ни трижды публиковавшиеся в различных авторитетных изданиях материалы переписки его с Бахтиным не являются для Коровашко доказательствами. С точки зрения прагматической, рассуждает он, зачем было Бахтину «в поиске дополнительного заработка» вторгаться в малознакомую ему область естественнонаучных знаний? — «...чтобы <...> „срубить немного бабла“?». Бочаров, «один из наследников авторских прав Бахтина <...>, заинтересованный в их расширении», опубликовал заявление Канаева исключительно ради оправдания включения этой статьи в корпус авторских текстов Бахтина (с. 220—222).¹⁵

Более того, Коровашко не упоминает, что в Собрание сочинений 1996—2012 годов «спорные тексты» не включены. Он игнорирует уникальное в практике эдиционной эвристики событие — осуществленную в течение 1993—1996 годов публикацию В. Махлиным всех девтероканонических текстов одного за другим, под заглавием «Бахтин под маской».¹⁶ Формула «Бахтин под маской» предложена для разрешения проблемы авторства в девтероканонических текстах. «Маска» — не псевдоним. Маска не скрывает лицо, а создает фасад личности персонажа или протагониста. Сущность этой личности или концепции, представленной внешним фасадом, надлежит распознать и осмыслить. В «Формальном методе в литературоведении» и в «Марксизме и философии языка» маска создает *фасад* реально еще не сложившегося материалистического учения с единственно правильной методологией. *Фасад* марксистского методологического подхода сопоставляется с рядом других: социологизмом и социологией, формализмом, лингвистикой и философией языка. «Маска марксизма» прилагается снаружи ко всем подходам, которые стоят в заглавиях девтероканонических текстов после «и» или «без». Маска заменяет полемические опровержения эвристикой и указывает на «предмет и задачи» гуманитарных знаний, которым с обязательностью надлежит сложиться в системную философскую науку. Отсюда окончательный вывод: «Мы полагаем, что <...> марксистская наука должна быть благодарной формалистам, благодарной за то, что их теория может стать объектом серьезной критики, в процессе которой *могут уясниться и должны окрепнуть основы марксистского литературоведения*».¹⁷ Полнота ответственности за скрытое «под маской» содержание философской концепции целого лежит на *авторе* — Бахтине, не на его друзьях, Медведеве и Волошинове, которые лишь принимали участие в обсуждении работ, ныне занесенных в категорию «спорных текстов». Метод текстуальной дивинации, предложенный Махлиным, разрешает проблему авторства в полном согласии с нежеланием Бахтина перезачислять на свое имя тексты, созданные им для близких друзей. В переписке с Кожинным и в беседах с Ивановым и Дувакиным он повторял: «Книги „Формальный метод” и „Марксизм и философия языка” мне очень хорошо известны. В. Н. Волошинов и П. Н. Медведев — мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения. <...> Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих

¹⁵ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 74. Библиографию трудов И. И. Канаева см.: Канаев И. И. Избр. труды по истории науки. СПб, 2000. С. 488—491. К литературе, которой Канаев снабдил Бахтина, чтобы облегчить ему написание «Современного витализма», можно добавить и статьи, освещающие вопросы обратимости жизненных процессов у гидры (№ 3—5 в библиографии).

¹⁶ Бахтин под маской / Под общ. ред. И. Пешкова. М., 1993—2003 (комм. В. Махлина). В. Махлин принимал участие в составлении комментариев и к Собранию сочинений, о чем Коровашко не считает нужным упомянуть.

¹⁷ Бахтин под маской. Маска 2: Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 192.

книг». ¹⁸ В соответствии с его авторской волей Собрание сочинений Бахтина было издано без дополнительного тома dubia, о чем и сообщалось в «Комментариях» (I, 345). ¹⁹

Покончив с «целой цепочкой умираний и возрождений» культовой фигуры, Коровашко спохватывается, что его разоблачительная критика Бахтина предназначена для ЖЗЛ, и вставляет в последний абзац лаконичное Pro memoria: «Сам Бахтин, правда, не строил никаких планов по собственному обожествлению. В чем он был действительно убежден, так это в том, что „за погребением и памятником следует *память*» (с. 447; курсив автора). Но эта капля елея бесследно тонет в дегте, которым Коровашко измазал ворота издательства, поставившего себе целью увековечение памяти замечательных людей, достигших своими трудами и жизнью «максимальной реализации полноты бытия». ²⁰

¹⁸ Паньков Н. А. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина. С. 492—497; Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 88, 312, 346 (прим.).

¹⁹ Собрание сочинений первоначально предполагалось издать как семитомник, поместив в последнем томе «Работы круга Бахтина», о чем сообщалось в 1996 году в вышедшем первом по ходу публикации пятом томе (V, 6). Но к 2003 году (дата выхода первого тома) редакция отказалась от этого намерения.

²⁰ Слова Гачева, цитируемые Коровашко на с. 446.